

Г. А. Гагарин

ВОСПОМИНАНИЯ

Рукопись этих воспоминаний попала в Россию два года назад. Их автор — офицер русской армии князь Григорий Андреевич Гагарин — после описанных событий, естественно, в Россию не вернулся. Большую часть последующей жизни он прожил в США. Там же в настоящее время живет его сын, Григорий Григорьевич Гагарин, который и передал эту рукопись в один из своих первых приездов в Россию в 1991 году.

Несколько слов о семье Григория Андреевича и о местах, в которых происходят описываемые события.

Отец автора, князь Андрей Григорьевич Гагарин (1855—1920), один из основателей и первый директор Санкт-Петербургского Политехнического института, происходил из старинного русского рода, ведущего свое начало от Великого князя Рюрика. Андрей Григорьевич был младшим сыном известного русского художника, вице-президента Академии художеств Григория Григорьевича Гагарина (1810—1893). Жена Андрея Григорьевича, Мария Дмитриевна, в девичестве — княжна Оболенская (1864—1946), происходящая из рода Рюриковичей, — мать автора публикуемых воспоминаний. Фигурирующее в воспоминаниях имя А. Г. и М. Д. Гагариных «Холомки», расположенное ныне в Порховском районе Псковской области, было построено по проекту архитектора И. А. Фомина. Строительство было закончено в мае 1914 года, а уже осенью 1914 года в одной половине дома Гагарины организовали госпиталь для раненых, который сами и содержали.

После описываемых событий семья Гагариных подверглась и другим репрессиям. В ноябре 1918 года их петроградская квартира была вскрыта в отсутствие хозяев и фактически ограблена властями. Мария Дмитриевна была без суда заключена в порховскую тюрьму. Андрей Григорьевич, находившийся тогда в длительной командировке в Москве, обратился за защитой к В. И. Ленину. Результатом этого явилась охранная грамота следующего содержания:

«Предъявителю сего инженеру Андрею Григорьевичу Гагарину разрешено проживать в Псковской губернии, Порховском уезде, Шев-

ницкой волости, в народном доме моего имени в Холомках. Прошу местные власти Гагарина не беспокоить, в заложники не брать, вещей не реквизируют, и керосину ему давать необходимое количество для его занятий, которые я считаю для республики полезными. Председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин. Народный комиссар внутренних дел Владимирский».

Из шестерых детей Андрея Григорьевича и Марии Дмитриевны — Андрея (1886—1930-е), Сергея (1887—?), Льва (1888—1921), Софьи (1892—1979), Григория (1896—?), автора публикуемых воспоминаний, и Петра (1904—1938, мой отец) — Андрей и Петр остались в России и погибли в результате сталинских репрессий в 30-е годы (Андрей погиб в лагере некто в Кузбассе, Петр расстрелян во внутренней тюрьме Большого дома в Ленинграде), Лев умер от тифа, а Сергей, Софья и Григорий эмигрировали. Дети Сергея и Григория — граждане США. Они говорят по-русски и в последние годы часто приезжают в Россию.

Публикуемая рукопись была написана лет через тридцать после описываемых событий. Поскольку автор не предполагал, что этот текст когда-нибудь попадет в Россию, он писал его по-английски, а все имена собственные, как не представляющие интереса для американского читателя, сокращал. Большая часть географических названий расшифровывается легко: «Х» — Холомки, название имени Гагариных; «П» — в большей части воспоминаний — Порхов. Все события, связанные с ЧК и тюрьмой, происходили в Порхове. Иногда под той же буквой имеется в виду Псков: как правило, это ясно из текста. «О» — город Остров.

В заключение скажу, что предание об этом чудесном побеге я слышал от своей матери с самого детства. Варианты этого предания рассказывались мне жителями Холомков и окрестных деревень еще в 60-е годы (рассказываются, впрочем, и сейчас). Поэтому, когда рукопись этих воспоминаний попала в мои руки, я не мог не попытаться перевести ее.

А. П. Гагарин

Сентябрь 1918 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ранней весной 1918 года оставаться в полку далее было уже совершенно невозможно, так как одно лишь наше присутствие не могло предотвратить катастрофу, и пребывание в части само по себе было не только бесполезно, но и опасно. Поэтому-то я и принял решение вернуться к себе в имение, где находилась в ту пору моя семья, нуждавшаяся, насколько я знал, в моей поддержке.

Я уже давно не получал никаких известий из дома, и мне не терпелось узнать свежие новости. Можно ли выразить словами нахлынувшие на меня чувства, когда за поворотом дороги открылся знакомый вид на большой белый дом с высокими колоннами под зеленой крышей, величественно возвышающейся над холмом. Именно тут я со всей остротой ощутил, что снова оказался дома.

По пути я с огорчением заметил, что окрестные поля большей частью выглядят заброшенными. Из этого я заключил, что волна большевистской пропаганды докатилась уже и до села: крестьяне, ленивые по натуре, не считали нужным работать на бывших хозяев и вспахивали лишь крохотные наделы земли для удовлетворения своих самых насущных нужд.

Когда я вошел в залу, приближалось обеденное время; все мои домашние, освободившись от других забот, были заняты приготовлением обеда. Наскоро умывшись с дороги, я вбежал в столовую и увидел там маму, ожидавшую остальных членов семьи к столу. Она была вне себя от нежданной радости и выразила надежду на то, что вскоре и все остальные ее сыновья слетятся в родное гнездо... Тут в комнату вошла Дуня, наша старая няня, в сопровождении моего младшего брата Пети, а затем появилась и сестра Соня. Для всех мой приезд был полной неожиданностью. Наконец-то мы сели за стол все вместе — счастливая воссоединенная семья...

За обедом мама и Соня сетовали мне на то, как трудно стало находить людей для обработки земли. В имении остались лишь два работника, это были И. — немощное создание, едва волочащее ноги, и некий Александр, которого сестра считала большевистским агитатором. Поэтому все члены моей семьи сообща участвовали в ведении домашнего хозяйства, собственноручно управляясь и в саду, и на скотном дворе.

После обеда мама показала мне огород, на котором она с Дуней и тринадцатилетним Петей выращивала овощи. Я был поражен, увидев, какое количество земли они сумели обработать собственными руками. Затем я отправился на скотный двор, где обнаружил Соню, занятую приготовлением корма для коров, свиней, кур и цыплят. Я, не веря своим глазам, стоял, оторопел и силясь понять, что это: действительность или ночной кошмар, так как был совершенно не подготовлен к тому, чтобы увидеть в тылу такой развал.

Остаток дня я посвятил осмотру усадьбы, желая разобраться в том, что в первую очередь необходимо сделать в поместье и по дому. На следующий день рано утром я, убрав свою военную форму, переоделся в рабоче. За завтраком меня порадовали сообщением о том, что сбежал наш ночной сторож, прихватив с собой теплую одежду, ружья, а также упряжь, хомуты и прочие мелочи из конюшни. Нам он оставил только собаку, бросив ее. Новости были неутешительные.

И все же, не теряя надежды на лучшее, полные бодрости, мы с младшим братом вышли в поле и принялись пахать. С самого начала мы обнаружили, сколь тяжел этот труд, но, несмотря на это, он пришелся нам по сердцу, и вскоре мы к нему привыкли. Крестьяне поодаль сбивались в кучки, чтобы посмотреть, как мы пашем. Когда они убедились вочую, что мы прекрасно справляемся без них, их изумлению не было предела... У нас был плуг новой конструкции, и мужики нередко просили меня дать им попользоваться. Я охотно уступал их просьбам, хотя постоянно приходилось объяснять, как с ним управляться, так как, привыкнув к примитивной сохе, они не умели обращаться с более сложными орудиями.

Дни шли своей чередой: я был занят не только на пашне, но и в кузнице, где ремонтировал трубы и приводил в порядок части электрического оборудования усадьбы. После тяжелых дневных трудов так приятно было вернуться домой, принять ванну, переодеться к обеду и провести вечер в милом сердцу семейном кругу, сохраняя, наперекор всему, тот стиль жизни, который был нам привычен. Если было свежо, мы обычно собирались в большой гостиной, отделенной от маминого будуара парой высоких гранитных колонн. Мама играла на рояле, Соня на арфе. Эти вечера были проникнуты ощущением истинного счастья.

В середине июня из Петрограда к нам приехали наши друзья. Среди них был и мой лучший друг Андрей С. со своей женой, которая в ту пору была весьма известной танцовщицей. Один из совместно проведенных нами вечеров, первый по-настоящему теплый летний вечер, никогда не изгладится из моей памяти. После ужина Андрей сел за рояль, который стоял у открытого окна, выходящего на просторную круглую террасу. Мы, зрители, расположились полукругом с другой стороны террасы, и жена Андрея, одетая в ба-

летний костюм, исполнила «Умиряющего лебедя» Сен-Санса под аккомпанемент мужа. Светила полная луна, и что за чудо было наблюдать, как она, вся в белом, тавишет на этой белой террасе, подсвеченной голубоватыми бликами лунного света. Когда танец закончился, все осталось на террасе, желая полюбоваться чудесным видом. Внизу впадине текущая река омывала подножие величественного холма. Повсюду виднелись живописно разбросанные деревеньки. Раскинувшийся справа, погруженный в сон лес казался покрытым тончайшей темно-синей вуалью. Внезапно мы заметили три фигуры, воровато крадущиеся по направлению к саду и дворовым постройкам. Захватив свой револьвер, я, не мешкая, двинулся им наперерез, скрываясь за кустами. Остановившись метрах в трех от незваных гостей, я резко выкрикнул: «Кто здесь?!» В ответ грянул ружейный выстрел, следом за ним еще несколько, и они, продолжая отстреливаться, пустились бежать обратно к дороге, которая тянулась между нашим садом и рекой. Тут и я поднял револьвер и дважды выстрелил им вслед, к счастью никого не задев. Вне всякого сомнения это были воры. Происшествие, разумеется, встревожило и мою семью, и гостей, а так как сторожа у нас уже не было, то после этого случая мы решили, что я буду выходить два-три раза за ночь наружу и смотреть, все ли спокойно.

В то же самое время большевики объявили, что все оружие должно быть незамедлительно сдано властям, а каждый, у кого найдут незаконно хранимое оружие, будет арестован. Так как той ночью я стрелял, воры могли донести на меня, и я считал благоразумным отправиться в город и получить разрешение держать мой револьвер для самообороны, что и сделал следующим утром.

Власти пообещали выдать мне разрешение, но лишь при том условии, что я при регистрации предъявлю оружие для осмотра. Не изучив еще как следует права большевиков, я через несколько дней вернулся с моим изящным браунингом. Встретивший меня служащий раскрыл конторскую книгу и принялся что-то писать, затем попросил дать ему пистолет, осмотрел его и, найдя, что тот вполне в его вкусе, сунул себе в карман, захлопнул книгу и невозмутимо направился к выходу. Когда же я, оправившись от изумления, потребовал вернуть мне оружие, этот человек заявил, что мне, дескать, лучше убраться отсюда пододру-поздорову как можно скорее и уж тем более не жаловаться, если, конечно, я не хочу попасть за решетку. Делать было нечего, и я вышел, потрясенный подобным произволом и чрезвычайно огорченный тем, что так глупо лишился своего любимого пистолета, тем более что для регистрации я мог предоставить револьвер, который был тяжелее и значительно хуже.

По пути домой я встретил приятеля, который ехал в город с той же целью. Когда он услышал, что со мной приключилось, то немедленно велел своему кучеру повернуть обратно.

Как-то однажды во время моего очередного ночного дежурства меня поразила странная закономерность. Все вокруг казалось спокойным лишь до тех пор, пока я оставался дома, но стоило мне выйти, как собака, брошенная нашим сбежавшим сторожем, тут же заливалась свирепым лаем. И хотя мне ни разу не удалось кого-либо найти, на следующее утро непременно обнаруживалась какая-нибудь пропажа из конюшни, скотного двора или иных хозяйственных построек. Вся эта кутерьма продолжалась довольно долго. В конце концов до меня дошло, что собака была нарочно приучена лаять на меня, как только я оказывался поблизости, чтобы дать ворами возможность своевременно скрыться. Тут уж стало ясно, что это может быть лишь делом рук нашего прежнего ночного сторожа. Пса пришлось пристрелить, и воровство сразу прекратилось.

Надо признать, что большевизм довольно быстро пускал корни в среде крестьян, которые понимали свободу исключительно на свой собственный лад. В одночасье вообразив, что все кругом принадлежит им, потеряв голову от вседозволенности, они решили, что имеют полное право уничтожить то, что принадлежало помещикам. Правда, справедливости ради, следует заметить, что у многих и хозяйственные постройки, и избы не ремонтировались с самого начала войны. Отчасти по этой причине, отчасти движимые мстительным чувством, крестьяне начали вырубать наш корабельный лес. Делалось это самым что ни на есть варварским способом — они валили первое попавшееся дерево и, если оно казалось им не слишком подходящим, бросали его и принимались за следующее. Я решил во что бы то ни стало положить этому конец, хотя понимал, что это задача не из легких. Призывать крестьян к благоразумию было заведомо бесполезно. Они просто-напросто ничего не желали слушать. И вот однажды мы с Петей отправились в лес, захватив с собою конторскую книгу и нашу печать. В книгу я заносил диаметр каждого дерева и номер штампа, которым их метил Петя. Пока мы занимались этой работой, к нам стали подтягиваться крестьяне. Несколько мужиков приблизились и недоуменно спросили, что это мы такое делаем. «Я отмечаю и записываю все деревья, которые вы повалили». — «Да ведь лес-то уже больше не ваш, теперь мы тут хозяева, что хотим, то и делаем». — «Да, — сказал я, — говорят, что теперь он ваш, но вы за него не платили, и я хочу знать, сколько леса, который прежде никогда вам не принадлежал, вы перевели». Таков был мой ответ, и, удивительное дело, через два-три дня порубки прекратились. Таким вот образом уда-

лось спасти наш лес — единственный сохранившийся в округе, все остальные были безжалостно сведены под корень.

В деревнях число жителей быстро росло, по причине нехватки продовольствия в городах и крупных поселках, а также из-за повального бегства солдат с фронта. Понятно, что столь мощный приток людей, надломленных несчастьями, с испорченной моралью, воздействовал на традиционный уклад крестьянской жизни крайне разрушительно. Бушевали митинг за митингом. Людей с головой захлестывала злоба, пышно расцветали порок и глупость.

В июле принялись громить и разорять имения. Я не могу не рассказать о том, что произошло с поместьем моей тетушки, которое было расположено в шести верстах от нашего. Усадьба в то время пустовала, дом стоял запертый. Неожиданно появившаяся толпа крестьян — мужиков и баб, приступив к стенкам, принялись высаживать топорами двери и окна. Они вломились внутрь и, используя те же орудия, взломали двери в библиотеку, вскрыли буфеты, рассыпались по всему дому. Все книги из обширного собрания, среди которых было немало бесценных раритетов, были сброшены с полок. Исчезли все иллюстрированные книги — иллюстрации пошли на оклейку стен в избах. Прочие же были изорваны в клочья и свалены грудой посреди библиотечной залы. Та же участь постигла семейные портреты: холсты вырезали из рам, изгадили их, изорвали и бросили в кучу. Рамы, которые мужики по своей наивности приняли за золотые, были украдены все до единой. Мебельная обивка из шелка и стофа была срезана, то же самое произошло с кожей, которой была обита мебель кабинетов. Вскоре после погрома нам стали попадаться крестьяне, щеголявшие в сапогах из красивой зеленой кожи... В доме не уцелело ни единой занавески, ни одной мелочи, которая блеском напоминала бы золото или серебро. Большую часть мебели мужики тоже растащили по избам. Когда на следующее утро я оказался на месте погрома, то вначале просто не мог поверить своим глазам. Зрелище было ужасное. Разорение этого дома, столь бережно лелеемого прежде моей тетушкой, дома, в котором прошла часть нашего детства, подействовало на меня просто убийственно. Такое же несчастье в любой день могло постигнуть и нас.

Спустя несколько дней было разорено еще одно имение по соседству, но это произошло уже по вине владельца. Легкомысленно вообразив, что в округе достаточно спокойно, он решил почистить свои ружья и револьверы у себя в саду и не нашел лучшего способа их чистки, чем стрельба в воздух. Деревня была совсем рядом, и крестьяне, конечно, слышали частую пальбу. Сбившись в толпу, они двинулись к усадьбе, желая разобраться в том, что там происходит. Владелец имения, заметив надвигающуюся по большой дороге толпу народа, так смалодушничал, что, выпрыгнув из окна, пустился бежать без оглядки. Перепуганная прислуга тут же последовала примеру хозяина. Когда подоспевшие мужики обнаружили, что дом открыт и брошен, они, естественно, начали грабить его с таким усердием, что через двадцать четыре часа от него остались лишь голые стены. Даже двери и оконные рамы, не говоря уже об обстановке, бесследно исчезли.

Так, одно за другим, были разорены все имения в округе. Сцены поистине трагикомические мне поневоле приходилось наблюдать при разграблении имения графа С—ва.¹ Для меня они были и останутся примером самого жестокого и бессмысленного вандализма, какой только можно себе вообразить. Крестьяне под метелку вычистили не только сам дом, но разнесли по бревнышку конюшни, скотный двор и все прочие хозяйственные постройки. Вся обстановку, сельскохозяйственный инвентарь и скотину погромщики поделали на равные доли. Вот тут-то и не обошлось без курьезов. Когда были поделены все находившиеся в хлеву свиньи, одна оказалась лишней. Мужики не нашли лучшего решения, чем, заколов ее, разрубить тушу на равные части.

Я своими глазами видел мужика, преспокойно распиливавшего перед собственной избой рояль. Когда я спросил его, для чего он это делает, тот невозмутимо ответил, что, мол, штукавина эта слишком велика и в таком виде в избу не лезет. Другой ухватил громадное зеркало и, так как оно тоже не взлезало в избу, украсил им коровье стойло; правда, в тот же вечер туда заглянул задиристый бычок. Увидев в зеркале свое отражение, он сперва очень удивился, затем тут же рассвирепел и поспешил сразиться с неожиданным соперником. В результате поединка зеркало разлетелось вдребезги, а у быка так глубоко порезано горло, что пришлось бежать за ветеринаром.

Едва ли не каждый день шумели многолюдные сборища. Я, к большому удивлению наших крестьян, не пропустил ни одного уездного митинга. Один из них навсегда останется в моей памяти. После множества глупейших речей и бестолковых препирательств крестьяне принялись ругать меня на чем свет стоит, утверждая, что я настроен против них и, вообще, контрреволюционер. Они заявляли, что наш дом якобы битком набит винтовками, пулеметами, бомбами, что в нем устроен целый склад динамита, а в саду находится какое-то таинственное устройство для стрельбы на большие дистанции (в действительности это был бак для воды). В конце концов они договорились до того, что мы, единственно уцелевшие во всей округе помещики, держимся только потому, что вооружены до зубов. Это об-

¹ Вальшово, имение графа Строганова, недалеко от Порхова.

стоятельство придало мне мужества заговорить с ними на ином языке. Мужики были крайне возбуждены, все их внимание было обращено на меня. Толпа могла взорваться в одно мгновение, и тогда я был бы обречен на верную гибель. В самом начале я чувствовал себя крайне неуверенно и в какой-то момент даже совсем было растерялся. Единственным путем к спасению в критической ситуации было окно, расположенное за моей спиной. Я не знал, что предпринять, и, хуже того, был уверен, что опасности подвергаюсь не только я сам, но и все члены моей семьи. Толпа становилась все гуще и агрессивнее. Над ней то и дело взлетали сжатые кулаки. Многие кричали, оскорбления сыпались на меня градом. Тут я понял, что настала решающая минута. Я набрал в легкие воздух, сколько мог, и гаркнул на них изо всех сил, так что мне удалось заглушить озлобленный вой толпы. Ошарашенные и сбитые с толку таким приемом, крестьяне пошли на попятную, и некоторые даже сочли за благо принять мою сторону и признать свою неправоту.

Каждый в моей семье понимал, что наши несчастья еще не кончились, да и кроме того, содержание имения становилось все более трудным делом. Жизнь становилась все сложнее. Мы не представляли себе, что сулит нам наше ближайшее будущее, но чувствовали, что неминуемая опасность близка. Вечера стали казаться нам бесконечными. И хотя даже за вечерним чаем нервы у всех моих домашних были напряжены, все мы старательно пытались скрыть это, желая казаться веселыми и спокойными.

* * *

Как-то однажды Соня решила позвонить кому-то из знакомых по телефону. После более чем получасовых попыток установить связь со станцией мы заподозрили, что что-то не ладно. Я проверил телефонный аппарат, он оказался исправен, и тогда я отправился смотреть, целы ли провода. Версты эдак через три я наткнулся на сваленный телеграфный столб, опутанный порванными проводами. По пути я встретил нашего рабочего, Александра, и с ним, на дороге, довольно большую группу крестьян. Такое скопление народа в столь поздний час в этом месте выглядело весьма подозрительно. Я понял, что тут недалеко до беды, и, чтобы убедиться в том, что еще являюсь для своих крестьян авторитетом, я позвал кое-кого из них и велел помочь мне в работе. Они нехотя подчинились. Когда столб был поставлен и провода вновь соединены, я в сердцах выругал этих людей за их страсть к разрушению и удалился. На обратном пути я увидел еще большую компанию мужиков, двигавшихся в том же направлении, что и первая группа, а возле самого имения собралась уже порядочная толпа. Меня встретила Соня и сказала, что только что один преданный нам старик крестьянин сообщил ей, что мужики нашей округи решили в этот вечер разорить наше имение и собираются именно с этой целью. Делать было нечего, оставалось лишь ждать развития событий. Всю ночь напролет мы не смыкали глаз. Однако, вопреки нашим опасениям, ничего не произошло. Около пяти утра вновь объявился тот же самый старик и заявил, что мы можем спать спокойно, так как мужики, уже было окружившие наше имение, в решающий момент трусы и испуг свой оправдали высказыванием в том роде, что я-де обладаю некой сверхъестественной силой и оттого они почли и более разумным, и лучшим для них же самих оставить нас в покое. Это и было единственной причиной того, что нас не осмелились тронуть.

Тем временем немцы начали выдвижение на линию между П. и О. Это наступление спровоцировало новую волну грабежей. Началась она с набегов солдат, дезертировавших из своих полков. Вслед за дезертирами последовали отступающие части. И те, и другие тащили из уже разгромленных имений все, что попадало под руку. Большевицкие комиссары, бросившие свои посты, тоже не теряли времени даром, загребая по дороге под предлогом реквизиции все подчистую. Крестьяне уже не на шутку стали опасаться того, что в случае прихода немцев порядок будет восстановлен, и оттого многое из награбленного было возвращено обратно в имения.

Однажды утром, когда я занимался работой, ко мне подошла женщина и сказала, что хочет со мной переговорить. «В чем дело?» — спросил я. «Да вот, знаете ли, когда имение вашей тетухи растащили, я тоже кое-что из вещей захватила, а теперь вот вернуть хочу», — ответила она. «Вот вам ключ от дома. Занесите то, что принесли, а я потом зайду посмотреть, что у вас там». Когда я вошел в дом, она уже составила вместе самовар, сломанный кофейник, кресло, несколько стульев и большое зеркало в серебряной раме. «Спасибо за то, что вы вернули эти вещи, но зачем же вы их украли?» — «Да и сама в толк взять не могу, как оно вышло, как все, так и я», — ответила она. Заперев дом, я вернулся к работе, но женщина как будто не собиралась уходить. Я поинтересовался, что ей еще от меня нужно. «Да уж будьте так добры, пожалуйста мне расписку, что все сполна с меня обратно получили». Я расхохотался, но расписку ей все же выдал. И это был не единственный случай, когда вещи были возвращены владельцам.

Немцы заняли П. и О., но дальше не двигались. Благодаря этому большевики малопомалу оправились и вошли в прежнее русло, что, однако, не прекратило брожения умов, так как немцы продолжали стоять в непосредственной близости от нас. В это же время

комиссары издали декрет, согласно которому всю пахотную землю следовало разделить так, чтобы каждый землевладелец распоряжался лишь таким ее количеством, которое мог бы обработать собственными силами.

Мне в жизни не приходилось видеть ничего более примитивного и абсурдного, чем этот дележ, и таких ссор, к которым он приводил. Границы наделов определялись следующим образом: группа крестьян с помощью такого нехитрого инструмента, как обыкновенная жердь, вымеряла общую площадь поля, а затем они пытались разделить его на равные части. Части, разумеется, выходили далеко не равными, и оттого на каждом шагу дело доходило до жестоких потасовок. Я сам был свидетелем подобной сцены: два брата вступили в спор из-за клочка земли размером чуть больше двух квадратных сажений. Так как словопрения ни к чему не привели, они с такой яростью схватились в драке, что один вцепился другому зубами в щеку.

Когда мужики делили инвентарь, оставшийся от прежних владельцев, они устраивали бурные сходы. А тем временем соседские крестьяне под шумок спокойно растаскивали то, что им приглянулось.

После того как были поделены даже военные железнодорожные платформы, свары возобновились с новой силой, так как после «деления поровну» каждый раз непременно оставалось что-либо лишнее. Однажды мне довелось присутствовать на подобном сборище, и вот, когда все уже было роздано, осталось одно-единственное тележное колесо, из-за которого два мужика устроили драку. Один из них в запале вырвал из рук какой-то несчастной старухи бутылку керосина, который был в то время редок и дорог, и разбил ее о голову соперника. Отчаявшаяся старуха по русской привычке только крестилась да что-то бессвязно бормотала. Что же касается колеса, то оно, разумеется, было изломано в щепу.

Следующий большевистский декрет касался сдачи хлеба и крупного рогатого скота, под угрозой, что если крестьяне не привезут требуемой дани в город добровольно и не сдадут ее сами, то власти предпримут насильственную реквизицию. Коммунисты при всем желании не могли бы придумать ничего худшего, чтобы испортить отношения с крестьянами. С другой стороны, до мужиков постепенно стало доходить, в какой переплет они попали, и многие уже тогда поняли, что при помещиках их положение было лучше. Кстати, в то самое время, когда был оглашен этот декрет, мои крестьяне решительно переменили свое отношение ко мне. Начали они с того, что стали просить помощи и совета в ведении их дел. Вскоре после этого они решили организовать кооператив, с помощью которого могли бы продавать то, что производят, и покупать все необходимое. Они пригласили меня участвовать в этом деле с тем, чтобы я имел в нем свой пай.

Большевики, увидя, что не только в нашей деревне, но и во всем уезде крестьяне стремятся сотрудничать со мной и что я им охотно помогаю, начали опасаться моего влияния и, видимо, всерьез решили, что я занимаюсь антибольшевистской пропагандой. Как я вскоре узнал, с этой поры моя жизнь постоянно находилась под угрозой. Я мог ждать ареста в любой момент, но не захотел скрываться, так как знал, что я нужен не только крестьянам, но и, прежде всего, своей семье. Я крепко надеялся на то, что Провидение убережет меня. Но сохранять выдержку и наружное спокойствие было очень не просто, так как у нас в имении то и дело появлялись именно те крестьяне, про которых мне было точно известно, что они шпионят в пользу властей, и это заставляло меня понять, что большевики следят за мною. С другой стороны, крестьяне, которые работали со мной в правлении кооператива, делали все возможное, чтобы отвести от меня беду.

Стояла середина августа, когда однажды, сгребая в поле сено, я неожиданно заметил бегущую ко мне сестру. Оказавшись рядом, она, не переводя дыхания, сказала, что я должен немедленно покинуть дом и скрыться. Об опасности ее предупредили по телефону из конторы нашего кооператива. Она спросила, нельзя ли обождать с моим уходом хотя бы до утра. Ей ответили, что я должен исчезнуть не медля, так как большевики уже отдали приказ о моем аресте. Не заглядывая домой, я напрямик, через поле, направился к реке, разделся и переплыл ее, держа одежду в руке над головой. На другом берегу, одевшись, я вначале пересек лес, затем миновал поле и вновь лесом вышел к больнице в А (Лександрово), где наш друг служил главным врачом. Тайком пробравшись к его дому, я вошел в квартиру. Когда я объяснил доктору причину своего неожиданного визита, он, ни слова не говоря, укрыл меня на чердаке своего дома, снабдив провизией. В этом убежище я провел два дня.

Пока я отсиживался в своем укрытии, доктор успел побывать у нас дома и выяснил обстановку. Тревога, к счастью, оказалась ложной. Вернувшись, он вручил мне ключи от входной двери нашего дома, чтобы я мог вернуться ночью незамеченным. Доктор рассказал также, что за время моего отсутствия мужики (из числа тех, что шпионили за нами) вместе с нашим Александром постоянно пытались выведать у сестры, где я. Она же всякий раз отвечала, что я уехал по делам кооператива в соседний уездный город.

С ключом в кармане я покинул любезного доктора, поблагодарив его за гостеприимство и извинившись за причиненное беспокойство. Ночь была не из приятных: холод, мрак и проливной дождь в придачу. Когда я миновал первый лес и достиг примерно середины поля, где-то вдали вспыхнуло пламя, всполохи которого придали второму лесу, к кото-

рому я приближался, особенно мрачный вид. Пламя выростало на глазах, так что вскоре его блики плясали уже в каждой луже. Погруженный в мертвую тишину лес казался багровым. Кругом не было ни души, лишь моя тень бесшумно скользила передо мной. Выбравшись на берег реки, я остановился в недоумении, не зная, как переправиться: из-за сильного ливня река вздулась и вышла из берегов. Можно было бы, конечно, воспользоваться паромом, но для этого пришлось бы будить паромщика, и неизбежно поднялся бы шум, в котором я был вовсе не заинтересован. Мне не оставалось ничего другого, как попытаться перейти реку по плотине. Для этого нужно было незаметно прокрасться мимо водяной мельницы, так как мне в точности было известно, что мельник прокрасться с большевиками. Стараясь производить как можно меньше шума, я добрался до плотины. Во время переправы я чуть было не свалился в реку, в самую стремнину бурного течения, из-за того, что часть плотины была размыта. Остаток пути до берега я прошел вброд, причем течение было столь же стремительно, а вода местами доходила мне до пояса. Но счастье все же сопутствовало мне — я благополучно одолел переправу и вскоре добрался до дома. Когда я подходил к дверям, в окнах столовой все еще горел свет. Я был безмерно рад вновь увидеть маму, Соню и Дуню, ожидавших меня с горячим ужином и чаем. Возвращение домой, на которое я уже и не рассчитывал, было для меня большим облегчением.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Наступила осень, время напряженных полевых и садовых работ. Уборка урожая занимала большую часть дня, и дома мы собирались только за общим столом. Гром грянул в субботу вечером, когда я, закончив боронить поле, отправился помогать маме и Дуне копать картошку и встретил одного человека из кооператива, который был послан властями, чтобы вручить мне повестку следующего содержания:

«Князю Г. А. Гагарину, имение Х.

В связи с чрезвычайной необходимостью, Вам следует незамедлительно явиться в Н-ский следственный комитет».

Кем была подписана та бумага, сейчас вспомнить уже не могу.

Весь тот вечер и на другой день мы в беспокойстве ломали головы над тем, для чего это я вдруг понадобился большевикам. Возможно, вызов был связан с моей работой в кооперативе, но не исключалось и то, что меня просто хотели хитро поддеть на крючок, чтобы беспрепятственно арестовать. В воскресенье за вечерним чаем, пока мама была занята пасьянсом, мы с Соней подробно обсудили, что следует предпринять в случае моего ареста. В ту пору мы были уже вполне уверены в наших крестьянах и знали, что они на многое готовы решиться, лишь бы выручить меня из беды. Мы подробно обговорили каждую мелочь. Я не сомневался, что моя деятельная сестра сделает все возможное для того, чтобы крестьяне смогли ходатайствовать о моем освобождении. Закончив разговор, мы принялись наблюдать за тем, как мама раскладывает пасьянс. И надо же — один из тех пасьянсов, которые мама раскладывала почти каждый вечер и который у нее никогда не выходил, на сей раз разложился блестяще. Поэтому мама сказала, что волноваться нет причин, так как она определенно предчувствует, что все будет благополучно.

В понедельник утром, первого сентября, я, попрощавшись с Соней, Петей и Дуней, в сопровождении мамы покинул имение и направился в город, рассчитывая вернуться в тот же вечер. Мама собиралась сделать кое-какие закупки, я же направился прямо в следственный комитет. Там мне заявили, что все бумаги, касающиеся моего дела, уже направлены в ЧК, «Чрезвычайку». Такой поворот тайл в себе серьезную угрозу, но я все же отправился туда с уверенностью человека, имеющего чистую совесть и никогда ничего против властей не предпринимавшего. И я представления не имел о том, чем это может кончиться. Когда я там оказался, меня провели в комнату, где находились два человека. Один из них — К. — сидел за столом, покрытым зеленой тканью, другой — за пишущей машинкой. К. был довольно высокий худощавый блондин с выбритым подбородком и пшеничными усами. Подойдя к нему, я осведомился, какова причина моего вызова.

«Видите ли, — ответил он, — у нас к вам дело». Поднявшись, он достал из шкафа папку, в которой оказалось несколько листов исписанной аккуратным почерком бумаги, и погрузил в их изучение. Когда он просматривал последнюю страницу, я краем глаза успел заметить и разобрать наложенную на нем красным карандашом резолюцию: «Арестовать немедленно». Можно догадаться, что я почувствовал в тот момент. Лишь тогда я вполне осознал, что был круглым дураком, явившись сюда добровольно, но делать было уже нечего. Я постарался сохранить присутствие духа и, главное, никак не показать, что заметил ту устрашающую резолюцию. Затем я вновь спросил следователя, не объяснит ли он мне, по крайней мере, зачем я вызван. «На вас поступил донос», — ответил он. «Могу ли я его прочесть или хотя бы узнать, от кого он поступил?» — «Нет, читать их мы никому не даем и никогда не сообщаем, от кого они исходят», — таков был ответ. После недолгой паузы К. спросил, кто мой «спаситель», которого я ожидаю из Сибири. Я ответил, что знаю только одного Спасителя, и повернулся в тот угол комнаты, где висела икона. Других

обвинений мне предъявлено не было, и на том моем замечании разговор был закончен. Второй чекист тем временем что-то спешно строчил на машинке — как обнаружилось чуть позже, ордер на мой арест. Затем К. вызвал телефонным звонком конвойного милиционера и вручил ему ордер. Прежде чем выйти, я спросил, не могу ли я позвонить домой, чтобы сообщить о своем аресте и, по возможности, успокоить своих домашних. В просьбе К. мне отказал, но обещал позвонить сам. По пути в участок конвоировавший меня милиционер (который служил в полиции еще при царе) спросил у меня: «Ваше сиятельство, вас-то за что?» Но так как я и сам не ведал истинной причины ареста, то удовлетворить его любопытство не смог. Зато потом я расслышал, как мой охранник глухо бормочет себе под нос: «Черт их принес, большевиков проклятых».

В милиции я все же добился разрешения позвонить домой, и мне удалось связаться с сестрой. Как оказалось, это был наш последний разговор. В подтверждение того, что между нами уже было условлено прежде, она сказала, что немедля даст знать жителям всех окрестных деревень о моем аресте и попытается поднять крестьян на то, чтобы они сообща ходатайствовали о моем освобождении. Основным аргументом должно было послужить то, что я нужен им как посредник в решении многих вопросов и необходим для успешной работы кооператива.

Через полчаса меня повели в тюрьму. Сопровождавший меня охранник был не так свиреп, как К., и когда я попросил его показать сопроводительную бумагу, он без особых колебаний протянул ее мне: «По заявлению крестьянина Курицына бывший князь Г. подлежит немедленному аресту. Арестованного содержать в заключении до расследования дела Чрезвычайной следственной комиссией».

Когда мы были уже неподалеку от тюрьмы, нам навстречу попался некий старый знакомый нашей семьи, и я попросил его передать матери, что я арестован, но, как обнаружилось впоследствии, бедняга был так запуган, что и слова не сказал моей матери, которая места себе не находила от волнения, не увидев меня в условленное время в том месте, где мы обычно встречались в городе.

ТЮРЬМА

В тюрьме меня сперва отвели в контору, где подвергли тщательному обыску. Отобрано было все: часы, письма, записная книжка и деньги, которых у меня при себе было совсем немного. Одежду, впрочем, оставили всю. После этого меня препроводили на третий этаж, в камеру, на двери которой значилось: «В тринадцать кубических метрах воздуха, для двоих». В камере уже и так находились двое заключенных: купец лет пятидесяти и юноша из добровольцев. Камера была так тесна, что негде было повернуться. Грязь кругом страшная. В углу стояла деревянная лохань для отправления наших естественных нужд, так называемая «параша», которая никогда не ополаскивалась. На наше счастье, погода держалась сравнительно теплая, так что окно мы не затворяли круглые сутки. Сменяя друг друга, мы по очереди сидели на подоконнике и понемногу дышали свежим воздухом. У нас это называлось «гулять на природе».

Торговец держал лавку в Д. и скопил порядочно денег. Его взяли как контрреволюционера якобы из-за того, что он еще в 1905 году поймал забравшегося к нему в дом революционного агитатора и сдал его в полицию. И вот, спустя столько лет, он был посажен как опасный для большевиков элемент, хотя на самом деле комиссары попросту хотели вытрясти из него все его сбережения. Как только его посадили, ему сразу было сказано, что он будет отпущен на свободу, если согласится заплатить выкуп, от чего он категорически отказался. Его допрашивали много раз и, наконец, после одного допроса приказали собрать вещи и ждать жену, которая, по их словам, в тот же вечер должна была его забрать. Прошло более двух недель, однако никто не пришел не только чтоб забрать его, но даже просто повредить и навестить.

К моменту моего ареста бедняга сидел в тюрьме уже около трех месяцев.

Добровольцу было лет двадцать. Это был славный молодой человек, ловкий, умелый и весьма общительный. Он изо всех сил старался содержать нашу камеру в чистоте. К купцу, который к тому времени изрядно недомогал, он был почтителен и заботился о нем с большим вниманием. Он был схвачен, когда раздавал оружие восставшим во время вспыхнувшего в Д. мятежа против большевиков.

Кормили нас отвратительно. По утрам выдавали жалкую порцию хлеба, выпеченного из чего угодно, кроме муки. После такого хлеба из языка чуть не каждый день приходилось извлекать занозы. Вместе с хлебной порцией мы получали грязное деревянное ведро с каким-то горячим пойлом, именуемым чаем. Около часу дня был обед: снова подавалось то же ведро, на сей раз с супом — теплой, но мутной и зловонной жидкостью. Жидку мы обычно разливали по мискам, оставляя на дне бабьи грязную гуцу, которую потом все же делили и съедали. В этом хлебопеке нам ни разу не удалось обнаружить ни единого кусочка мяса или рыбы, разве что немного овса и отрубей. Из этого блюда и состояла вся наша обеденная трапеза. Вечером к ужину снова давали такую же похлебку и «чай».

К счастью, на второй день моей тюремной жизни мне передали еду из дома. Это было радостью не только для меня, но и для моих товарищей по камере.

Спали мы на очень узких деревянных нарах, не раздеваясь. Пятого сентября по всей тюрьме мгновенно разнеслась сильно ободрившая нас весть о смерти Ленина. К сожалению, в тот же вечер молодого человека от нас увели, а его место занял только что арестованный прапорщик. Он был родом с Кавказа и числился в резервном полку, стоявшем тогда в нашем городе. Его схватили прямо на улице в П. без всякой причины как «нежелательного элемента» и бросили в тюрьму без суда и следствия. Появление прапорщика лишь сгустило и без того мрачную атмосферу: он находился в крайне подавленном состоянии, да и меня, признаться, терзали самые мрачные предчувствия. Я все же попытался собраться с духом, бодро выпил молока за упокой ленинской души, после чего мрачно отошел ко сну.

Той ночью я особенно горячо молился Господу и Николаю Чудотворцу, прося, если мне суждено будет погибнуть, вразумить меня и сподобить принять смерть достойно и мужественно. Это была первая ночь в тюрьме, когда я, не ворочаясь, сразу заснул как убитый.

Я лежал у стенки, рядом со мной спал прапорщик, а у другой стены — старый торговец. Среди ночи меня разбудил скрежет ключа в замочной скважине. Все мы тут же тревожно поспрыгивали с нар. В камеру шагнул охранник и приказал одеваться. За его спиной в дверях стояли два вооруженных солдата. Прапорщик спросил: «Кому одеваться?» — «Всем трем одеваться и спускаться вниз в контору». — «Зачем?» — «На расстрел».

Я почувствовал, что сердце у меня оборвалось, перед глазами поплыли радужные круги, лоб покрылся испариной. Еще мгновение — и я бы рухнул без чувств. К счастью, под рукой оказалась бутылка, в которой осталось немного воды. Я выпил ее и почувствовал, что сознание мое прояснилось. Я обулся, надел жилет, положил в портсигар несколько папирос, сунул в карман коробку спичек и подождал, пока мои товарищи по камере будут готовы. Это были страшные минуты. Мысли мелькали одна за другой, но отчетливо я помню лишь две: первая — либо умереть гордо, бросив в лицо палачам оскорбительные слова, либо, наоборот, тихо, с молитвою, и вторая — не упустить последний шанс и попытаться спастись бегством. «Если я потеряю самообладание, то определенно буду расстрелян, но если все же попытаюсь бежать, тогда, быть может, мне удастся остаться в живых», — эта мысль неотвязно преследовала меня. Когда мои товарищи собрались, конвой вывел нас на тюремный двор. Там нас поджидали еще четыре солдата (итого шесть) во главе с командиром и начальником «Чрезвычайки» К. Солдаты были вооружены винтовками с примкнутыми штывами. Командир и К. имели по два револьвера каждый. Чуть погодя подошел начальник тюрьмы и отдал приказ: «Увести!» Я спросил: «Куда нас поведут?» От его ответа зависела моя последняя надежда. Начальник тюрьмы буркнул: «В ЧК».

Однако по выходе из тюремных ворот нас повели не направо, где располагалась ЧК, а по направлению к кладбищу. Было около пяти часов утра. Солнце еще не взошло, утро стояло сырое и холодное. Мы двигались в следующем порядке: прапорщик посередине, торговец справа от него, а я слева. Двое конвойных солдат шли впереди нас, двое сзади и по одному с боков. Возле меня шел красный командир, а К. вышагивал за моей спиной, причем каждый из них держал в руке револьвер наготове. Прапорщик всю дорогу заходил в рыданиях. Обернувшись к К., обращаясь к нему по имени, он, плача навзрыд, молил о помиловании, повторяя: «Вы же знаете, я ведь ни в чем не виноват, за что ж меня расстреливать?» В ответ К. направил на прапорщика дуло револьвера и рявкнул: «Иди да помалкивай, не то пристрелю как собаку здесь же!» Торговец, уйдя в себя, откровенно бормотал молитвы. Я шел, храня молчание. Бог, видно, услышал мои молитвы: я был спокоен и хладнокровно уверен в себе. Внутренне я был готов к побегу, но никак не мог выбрать подходящий момент. В какую-то минуту я чуть было не предложил прапорщику бежать вместе, но, видя, что нервы его полностью сдали, побоялся, что он не поймет меня, начнет задавать вопросы, а если это заметит К., то уж тут-то мы точно будем расстреляны на месте. Когда мы вышли на перекресток, меня будто что-то толкнуло в спину: я вдруг ощутил непреодолимое желание броситься бежать по боковой улице, но, прежде чем я успел собраться с духом, мы уже пересекли ее. Я никак не мог решиться на то, чтобы сделать окончательный выбор — рискнуть и умереть чуть раньше или прожить отпущенные мне судьбой десять минут, которые займет оставшаяся до кладбища дорога. Русская поговорка гласит: «Перед смертью не надышишься». Человек, который сам никогда не попадал в подобные переплеты, и представить себе не может, как драгоценен каждый миг, когда речь идет о жизни и смерти.

Мы подходили уже к последнему перекрестку, за которым виднелось кладбище, а мысли мои были все еще в большом беспорядке. Вот и перекресток: раздумывать больше было нельзя, и я решился. Не глядя, я бросился на солдата, шедшего с моей стороны. Удар сбил его с ног, но и меня отбросил назад, в самую середину группы. Тут же я почувствовал, как кто-то крепко схватил меня сзади. На секунду показалось, что все кончено. Все пошло прахом, надежды рухнули, смерть неминуема. По обхватившим меня рукам я узнал К., правая рука с револьвером медленно поднималась, направляя ствол к моей голове.

Борьба казалась бессмысленной. Время для меня остановилось, множество обрывочных мыслей промелькнуло в мозгу за какое-то одно мгновение. Наконец — выстрел. Я было решил, что уже мертв, и несказанно удивился тому, что зрение мне не изменило и я продолжал видеть наяву все ту же улицу и окруживших меня людей. До этого я представлял себе смерть совершенно иным образом. Наконец, я сообразил, что остался жив и пуля миновала меня, пройдя поверх головы. Я до сих пор ума не приложу, как мне могло так повезти. (Десять лет спустя я узнал от своей сестры Сони, что К. пытался стрелять еще дважды, и дважды револьвер давал осечку.)

Я резко вывернулся, обхватил К. за пояс и швырнул его оземь, серьезно, как оказалось впоследствии, разбив ему голову, и рванулся вперед изо всех сил. На все это ушли считанные секунды. Я бежал зигзагами, стараясь сбить конвой с прицела. Затем я принялся скидывать на бегу жилет, чтоб он не стеснял движений и ненароком за что-нибудь не зацепился. Стягивая его, я прижал к телу правую руку и тут же ощутил пришедшийся по ней резкий удар. Я был ранен. Сразу после того, как отбросил от себя К., ко мне вернулась уверенность, что спасусь. Она буквально окрылила меня, и я думал только о том, как бы мне увернуться от пули.

На бегу я обернулся и увидел следующую картину: четверо солдат, стоя на перекрестке, лихорадочно палили мне вслед. На обочине дороги, по которой нас вели, стояли бедняга торговец и прапорщик. Оба смотрели в мою сторону, рты их были широко раскрыты, руки безвольно опущены. Позади них еще два солдата стреляли в меня поверх их голов. К. и командир были вне поля моего зрения. Эта трагическая сцена врезалась в мою память на всю жизнь. Позже я узнал, что мои товарищи по несчастью были отведены чуть в сторону и расстреляны прямо на дороге. Их необрунные тела так и остались лежать в придорожной канаве. Я же, пробежав под пулями более ста двадцати метров, заметил, что с правой стороны ряд домов кончился и потянулась какая-то изгородь, сколоченная из тонких жердей, высотой метра два с половиной. Гонимый смертельной опасностью, я перемахнул через изгородь, не задев ее верха даже краем одежды, и очутился на овсяном поле. Лишь там я смог обратить внимание на простреленную руку и увидел кровоточащую, посиневшую с краев рану, в глубине которой сахарно белели кости. Несмотря на это, я все же почувствовал себя в безопасности и захотел возблагодарить Господа. Так как раненая правая рука не слушалась, я принялся креститься левой. Это было столь непривычно, что я, вместо того, чтобы коснуться пальцами лба, положил их прямо на глаза и сам же от этого рассмеялся как ребенок.

После краткой передышки я заставил себя бежать дальше. Я пересек поле и снова уперся в изгородь, которая, как оказалось, окружала его со всех сторон. Увидев это, я понял, что опять придется прыгать через нее, и подумал о том, что хорошо бы не порвать при этом одежду, особенно брюки, правда, тут же выругал себя за то, что мне в голову лезут такие пустяки. На сей раз попытка была менее удачна: я зацепился ногой за жердь и рухнул на другую сторону вниз головой, разорвав брюки выше колен. Поднявшись, я заметил впереди пасущихся лошадей. Добежав до первой попавшейся, я огляделся и увидел, что, по счастью, поблизости никого нет. Улегшись между передними ногами лошади, я принялся распутывать стреножившую ее веревку. Я взнуздal ее левой рукой, сел верхом и хотел было тронуться, но она не слушала меня: уда соскользнула, и я не мог поправить ее одной рукой, к тому же боль в раненой руке становилась едва выносимой и пальцы на ней совершенно онемели. Тут я почувствовал, что мои силы окончательно иссякают.

Я еще раз огляделся вокруг, желая убедиться, что опасность миновала, и заметил какого-то мужика, который с криком бежал ко мне. Он наверняка принял меня за конокрада. Мне не оставалось ничего другого, как только объяснить ему, в чем дело, и попросить о помощи. Мужик, по-видимому, слышал обо мне, так как все же решил меня выручить. Он провел меня к своему дому и вошел внутрь со двора с тем, чтобы пустить меня через переднюю дверь, а я тем временем ждал его на дороге. Однако он отчего-то замешкался, и я, почувствовав нетерпение и тревогу, направился дальше, к другому жившему неподалеку мужику, которого я хорошо знал. Разбудив его, я рассказал обо всем, что со мной произошло. Тот очень сожалел, что у него нет для меня свободной лошади — одни были заняты на извозе в городе, другие работали в поле. Он перевязал мою рану полотенцем, соорудив из другого полотенца перевязь для руки через плечо. Затем выдал свою старую извозчичью одежду и, экипировав таким образом, вывел меня наружу. Я пересек дорогу и, перепрыгивая через бесконечные изгороди садов и огородов, побежал в сторону реки, вскоре оставив городскую окраину за спиной.

Выйдя в поле, я бессознательно свернул в сторону нашего имения. Тот, кто когда-либо приезжал к нам в Х., наверняка помнит, что дорога на П. ведет через кладбище в Р., расположенное на пологих холмах. Взойдя на самый высокий холм, я остановился, чтобы посмотреть, нет ли за мной погони. Убедившись в том, что все спокойно, я двинулся дальше медленнее, так как пробежал без остановки уже несколько верст.

Боль в руке становилась все острее. Просочившаяся не только через повязку, но и через толстый рукав извозчичьей куртки, кровь капала на одежду, и я прикрывал руку шля-

пой на тот случай, если кого-нибудь встречу — мне не хотелось, чтоб моя рана привлекла чье-либо внимание. Я уже приближался к «Р. Б.» — имению нашего соседа Л. и собрался было укрыться у него, но вовремя спохватился, вспомнив, что тот выехал в П. Тем временем я сообразил, какую страшную глупость совершаю, направляясь домой. Ведь очевидно, что меня в первую голову будут искать именно там, да и перейти реку незамеченным не было ни малейшего шанса. Переплыть же ее я уже не мог — не было сил.

Неподалеку от того места, где я находился, в своем маленьком имении «Ж.» жила знакомая заведующая женской гимназией. Мне не оставалось ничего другого, как направиться прямо туда. Сойдя с дороги, я стал пробираться полями и болотами. Когда я наконец добрался до «Ж.», солнце стояло уже высоко. Еще издали внимательно осмотрев дом, я заметил открытое окно и прокрался к нему, как вор. За окном я увидел письменный стол. Это навело меня на мысль, что комната обитаема. Я попытался взлезть в окно, но сорвался и вынужден был повторить попытку. Как только я перекинул ногу через подоконник, раздался испуганный женский голос: «Кто там?!» — «Это я, князь Г.». В комнате спала дочь нашей знакомой, Катя, вскочившая на шум с постели. До них уже дошли слухи о том, что я арестован и посажен в тюрьму. Мое неожиданное появление и особенно вид — в грязи, крови, с всклокоченными волосами — очень испугали Катю. На голоса сбежались ее мать, сестра и зять Л. Разобравшись, в чем дело, они без проволочек тут же занялись моей рукою. Состояние мое тогда было самое отчаянное. Они уложили меня на диван и, разбинтовав руку, щедро облили рану йодом, изведя на нее чуть не целый пузырек. Тут мои нервы сдали окончательно, и я буквально взвился от совершенно нестерпимой боли.

Выданное знакомым мужиком кучерское облачение хозяева с меня сняли и сожгли, чтобы замести все возможные следы, а мне взамен выдали солдатскую форму. Одеваясь, я попросил Л. дать моей матери знать, что я спасся и умоляю ее не медля ни дня уехать в Москву к отцу. Что же до Сони, Пети и Дуни, то я прошу их бросить все и сделать попытку добраться до занятого немцами П.

После короткого отдыха Катя увела меня в лес, где я вынужден был отсиживаться весь день, ожидая ее возвращения из нашей усадьбы. Заодно она обещала заглянуть к нашему старому доктору в А. и предупредить его, что ночью я к нему проберусь. Когда я уходил с Катей в лес, мне дали с собой сумку с хлебом, яйцами и бутылкой воды. Есть я не мог совершенно, но понимал, что если насильно что-нибудь не проглочу, то лишусь последнего остатка сил. Поэтому я с отвращением закинул себе в горло пищу большим пальцем. Вдобавок к моим бедам испортилась еще и погода. Весь день моросил мелкий осенний дождь. К тому же по лесу бродили грибки, что заставило меня искать более надежного убежища, где я мог бы спокойно дожидаться появления Кати. Катины шаги я услышал уже перед заходом солнца, когда стало смеркаться. Она сумела разыскать мою сестру и сообщила ей, что я бежал, но моя семья к тому времени и так уже все знала: когда Катя подходила к нашему дому, из него, после обыска, вывалился без малого целый взвод солдат, отправленных на мою поимку. В семье было решено, что сейчас, сразу после моего побега, покидать имение не следует, так как это может еще более осложнить и без того скверную обстановку. Понятно, что теперь большевики будут следить за нашим семейством с неусыпным вниманием.

На обратном пути Катя заглянула в А., в больницу, и сказала доктору, что ночью я к нему приду. Мы с ней обсудили еще какие-то дела, и вскоре она удалилась. Расстояние от леса, в котором я скрывался, до больницы не превышало шести верст. Мое убежище располагалось на вершине поросшего лесом холма. Далее дорога должна была идти долиной, поросшей кустарником и мелколесьем. Со своей вершины я явственно мог различать в дальнем конце долины больничные постройки. Чтобы не сбиться с пути, я засек расположение нескольких высоких деревьев, но в начале долины кустарник был такой густой и высокий, что я сразу потерял из вида все замеченные мной ориентиры. Тогда я стал искать тропу, которая вывела бы меня к больнице. Сумерки к тому времени настолько стусились, что мне пришлось зажечь несколько спичек. Внезапно рядом со мной кто-то отчаянно закричал. «Кто здесь?» — спросил я. «Слава Богу, человек, а я уж думал на волков напоролся», — раздалось в ответ. Это был местный сторож, который, увидев всполохи горящих спичек, с перепугу вообразил, что это блещат волчьи глаза. Мы оба вздохнули с облегчением. Я попросил его вывести меня на больничную тропу. Он спросил, что у меня с рукой, и мне пришлось сочинить себе легенду, что я-де крестьянин с «Требехи», а руку покалечил на плотничьих работах. Сторож с радостью показал мне тропу и даже увязался сопровождать меня, разделив большую часть пути.

Было около двух часов ночи, когда я появился в кабинете доктора, где меня ожидала Поля, горничная моей матери. Вскоре в сопровождении медицинской сестры пришел и сам доктор. Вдвоем они обработали рану, наложили свежую повязку и, главное, остановили кровотечение, которое не прекращалось с тех пор, как я был ранен.

Наскоро поев, я улегся в постель, но, к своему ужасу, заснуть так и не смог, видно, сказались полное нервное и физическое истощение. На рассвете мы с Полей покинули доктора и вышли на дорогу к П., занятому в ту пору солдатской армией.

Я шел, опираясь на палку, облаченный все в ту же солдатскую одежду. Вдобавок я был

небрит и столь же грязен, как и накануне вечером. Преодолев таким образом около двадцати верст, мы приблизились к имению г-жи Б. Поля отправилась узнать, нельзя ли нам будет немного отдохнуть в ее доме. Я же укрылся в канаве неподалеку от скотного двора. Все разрешилось благополучно — хозяйка встретила меня с необычайным радушием. Г-жа Б. была женщина в возрасте. Лицо ее, отличавшееся мягкими чертами, в то же время свидетельствовало о волевом и энергичном характере ее натуры. Она покормила нас, уложила меня спать, а Поля, не теряя времени, отправилась дальше, чтобы обеспечить нас следующим пристанищем.

Пока я отдыхал, ветеринарный врач, живший в доме г-жи Б., вернулся из деревни с работы и сообщил мне, что только что встретил на дороге около десятка верховых солдат, которые, по их словам, «искали беглого князя Г.». Ему и в голову не пришло, что я и есть тот самый «беглый князь». Тем не менее, для пущей безопасности, госпожа Б. предложила мне спрятаться в часовне, которая стояла в дальнем конце имения на густо заросшем кустарником речном берегу. Чуть правее часовни, на том же берегу, находилась мельница. Если бы большевики начали искать меня в имении, г-жа Б. успела бы подать условный знак и я, укрываясь в кустарнике, смог бы незаметно переползти к мельнице.

Днем г-жа Б. послала своего племянника О. верхом на лошади разведать, не безумное ли для меня дело пытаться пробраться в П. сейчас, а также узнать, не устроены ли на меня по пути засады. Весь день я спокойно отдыхал в часовне. О. вернулся поздно вечером и сказал, что большевики перекрыли все дороги в П. целой ротой, разбив ее на малые отряды по десять-пятнадцать солдат в каждом, а также добавил, что я объявлен вне закона и заочно приговорен к повешению. Не могу сказать, что это известие меня слишком воодушевило. По некотором размышлении, я предпочел на какое-то время остаться рядом с больницей, в лесу, выжидая, пока властям не надоест меня разыскивать и они умерят свой пыл. Было ясно, что лишь тогда я смогу добраться до П.

Когда стемнело, я вернулся к больнице и незаметно подкрался к единственному освещенному окну. Вскоре к нему приблизился доктор Р. Увидев меня, бедный доктор на смерть перепугался, но все же показал знаком, чтоб я зашел внутрь. В кабинете он сказал, что буквально за десять минут до моего появления большевики арестовали сына фельдшера, перепугав его со мной, — у него на руке тоже была повязка. В любой момент они могли нагрянуть снова. «Я все понимаю, но я слишком устал и не в силах идти дальше. Даже если я попытаюсь уйти, то все равно свалюсь рядом с домом, и, в конце концов, если не судьба мне спастись, то уж тут ничего не попишешь», — сказал я. «Однако при этом вы не должны забывать, что рискуете не только своей жизнью, ведь не только вас расстреляют, но, наверняка, и меня вместе с медицинской сестрой», — ответил доктор. После паузы, длившейся, казалось, целую вечность, он все же сменил мне повязку, накормил и разрешил поспать у него два часа. Задолго до рассвета он разбудил меня, снова перевязал рану и благополучно выпроводил. Обходя стороной деревни и избегая проезжих дорог, я опять вернулся к г-же Б. Я подошел к дому очень рано, двери еще были заперты, ставни закрыты. Не зная обстановки, я не решился стучать, забрался под каменную террасу и уснул. Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко; я тихо вошел в дом. Г-жа Б. встретила меня столь же сердечно, как и накануне, и предложила переждать опасность в уже знакомой мне часовне. Оказалось, что вчера, в то самое время, когда я там отсиживался, большевики, охотясь за мной, перевернули вверх дном и дом, и мельницу. К счастью, я узнал об этом значительно позже. Вскоре вернулась Поля и подтвердила, что пробраться в П., не столкнувшись при том ни с одним из многочисленных прочесывающих местность отрядов, совершенно невозможно. В результате мы сошлись на том, что Поля вернется домой и убедит мою сестру, брата и няню уехать из имения, захватив с собой кое-что из моей одежды. Они должны были пробраться через Б., сделав по дороге остановку в деревне, где жил крестьянин, пользующийся доверием г-жи Б. Что до меня, то ранним утром следующего дня я, переодетый в женскую одежду, сопровождаемый племянником и племянницей г-жи Б., также отправился в Б., чтобы оттуда попытаться попасть в оккупированный немцами О.

Воскресным утром О. появился в часовне, нагруженный юбками, шальями и с бритвой. В первый и, надеюсь, в последний раз в жизни мне пришлось бриться в часовне перед иконами. Переодевшись на маскарадный манер, я увенчал свое одеяние большой шалью, которая покрывала мне голову, а заодно прятала от посторонних глаз раненую руку, и превратился в женщину! Я уселся в дрожки рядом с сестрой О., он занял место кучера, и мы двинулись в путь.

Спокойно, без всяких приключений мы проехали более пятидесяти верст, пока не добрались до села, где жил нужный нам крестьянин. Когда мы проезжали через деревню, я либо вовсе помалкивал, либо старался говорить очень высоким голосом и курил украдкой, чтобы не привлекать внимания проходящих крестьян. Прибыв на место, я должен был назваться Иваном Тимофеевичем, двоюродным братом О.

Гостеприимный хозяин встретил нас очень радушно. Что же касалось многочисленных членов его чрезвычайно обширного семейства, то все они были изумлены сверх всякой меры, обнаружив, что я — мужчина. О. с сестрой вскоре отправился в обратный путь,

а я остался у крестьянина до следующего утра. К сожалению, никто из моих домашних так и не появился, а ждать их в том месте долее было небезопасно. Итак, на этот раз я переоделся крестьянином и вместе с хозяином выехал на дорогу, ведущую в О. Погода нам благоприятствовала, но дороги были в ужасном состоянии, наши дрожки трясло немилосердно, а растревоженная рука доставляла мне большие страдания. Наконец мы добрались до деревни, которая располагалась примерно в семи верстах от демаркационной линии.

В той деревне жил некий мужик по имени Василий, который в прежнее время служил кем-то вроде управляющего имением. Выглядел он довольно молодо, имел рыжую бороду и хитрый взгляд. Василий промышлял спекуляцией сахаром, контрабандой переводя его из оккупационной зоны, и наживал на этом большие деньги. Крестьянин, доставивший меня к нему, был с ним знаком прежде и решил, что мне будет можно остаться у Василия на ночь. Вечером я рассказал Василию, что бежал от большевиков и что мне необходимо как можно скорее добраться до оккупационной зоны. Тот, в свою очередь, проявил к делу живой интерес и согласился тайком переправить меня через большевистскую границу в О. следующим утром за пятьдесят рублей. Я, конечно, не стал торговаться.

Утро выдалось дождливое. Когда мы выехали из деревни, рука моя по-прежнему сильно болела. По пути мы сделали остановку, чтобы выяснить расположение большевистских патрулей. Разведав обстановку, Василий повез меня обходным путем. Его дрожки были так легки, что мы могли ехать по полному бездорожью, проезжая через поля, болота и заросли кустарника. Таким образом нам без приключений удалось добраться до нейтральной полосы. Полоса была шириною около трех верст, и опасность еще не вполне миновала, так как большевики нередко появлялись и на ней, и уж если кого ловили, то тут же жестоко расправлялись со своей жертвой без суда и следствия. Тем не менее, оказавшись на нейтральной территории, я почувствовал себя намного увереннее. Казалось, даже дышать стало легче.

И вот наконец настал долгожданный миг избавления. Мы беспрепятственно достигли границы оккупационной зоны. Я с облегчением перекрестился и громко сказал: «Слава Тебе, Господи!», а затем повернулся в сторону опоганенной большевиками земли и в сердцах выругался. И молитва, и ругательство вырвались непроизвольно из самой глубины моей души.

На шоссе нам встретилась рота германских солдат. Лишь тогда я со всей остротой осознал трагизм своего положения — русский офицер, воевавший против немцев и ненавидящий своего врага, стремится попасть на оккупированную ими часть его родной земли, ищет их защиты, чтобы спасти свою жизнь. Я почувствовал себя таким ущербным, таким жалким, что, будучи не в силах перенести это, разрыдался как ребенок.

Примерно к полудню мы достигли О. Я сразу же направился прямо к К., другу Об., снабдившего меня рекомендательным письмом. К. охотно приютил меня в своем доме. После всех пережитых кошмаров хорошо поесть и выспаться на настоящей кровати было истинным счастьем. От того, что меня больше никто не преследует, что я в полной безопасности, я почувствовал такое облегчение, что спал как убитый. Как следует выспавшись и хорошо отдохнув, я отправился на перевязку в ближайшую больницу. В тот же вечер К. получил два разрешения на въезд в П. Я с удовольствием воспользовался оказией и выехал из О. вместе с ним.

В П. я обнаружил немало своих друзей, часть из которых совсем недавно покинула наш уездный городок. Они рассказали мне, что после моего побега голова у К. оказалась разбитой так сильно, что он долгое время находился в бессознательном состоянии. Когда большевики стреляли мне вслед, многие жители с любопытством следили за этим зрелищем из окон, правда, всем сразу же было приказано немедленно попятиться и захлопнуть ставни. Одна из пуль угодила в комнату углового дома, разбила стоявший на ночном столике графин и ранила ни в чем не повинную старуху.

Я, конечно, был очень рад встрече с друзьями, но беспокойство за семью не покидало меня.

Накануне моего приезда в П. немецкая секретная служба сообщила, что на нейтральной полосе, недалеко от Р., я был схвачен большевиками и расстрелян на месте.

Перевод с английского А. П. Гагарина